

УДК 340.12

doi:10.35853/vestnik.gu.2024.12-1.04

5.1.1

Идея правового государства: кризисное состояние и перспективы в современном обществе

Елена Владимировна Пономарева

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия,
<https://orcid.org/0000-0003-3057-9685>

Аннотация. В статье рассматривается история развития идеи правового государства, ее актуальность и значимость для юриспруденции, современное состояние. Целью статьи является анализ перспектив теории правового государства в современном обществе, а также основные проблемы, способствующие ее кризисному состоянию. Автором использованы методы: философская диалектика; общенаучные методы: анализ и синтез, абстрагирование, аналогия; общенаучные исследовательские подходы (исторический, системный); научно-исследовательские методы познания (формально-юридический, сравнительно-правовой). В статье исследованы три основные проблемы, от решения которых во многом зависит успех преодоления кризиса названной идеи и успех построения правовой теории. Во-первых, проблема отсутствия необходимой юридикализации концепции правового государства, смешение правовых и политических характеристик при исследовании государства, имплементация старых признаков, принципов, появившихся и получивших развитие нередко в эпоху абсолютизма. Во-вторых, господствующее философское направление мысли, пришедшее на смену постмодерну, – метамодерн, в рамках которого не остается места для построения научных теорий, равно как продолжающееся влияние постмодернистской философии. В-третьих, состояние научного сообщества в целом и юридического в частности, заключающееся в увлеченности воспроизводством знания, потере профессионального потенциала и способности противостоять политическим элитам для защиты науки, высоких идеалов и ценностей. Автором предложено, во-первых, установление разграничительных линий между понятиями, идеями и учениями, полученными в разных исследовательских научных областях; во-вторых, критическое отношение к современным философским направлениям мысли с точки зрения их соотносимости с юридическими понятиями и конструкциями, методологией юридической науки; в-третьих, осознание ответственности юридического сообщества за кризисные явления современного общества.

Ключевые слова: правовое государство, правовая теория государства, государственная суверенитет, государственная власть

Благодарности. Выражаю благодарность и признательность профессору Сергею Ивановичу Архипову – научному руководителю моей кандидатской диссертации, являющемуся для меня образцом настоящего интеллектуала.

Для цитирования: Пономарева Е. В. Идея правового государства: кризисное состояние и перспективы в современном обществе // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 1. С. 72–82. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-1.04.

The Idea of the Rule of Law: The State of Crisis and the Prospects for Modern Society

Elena V. Ponomareva

Tyumen State University, Tyumen, Russia,
<https://orcid.org/0000-0003-3057-9685>

Abstract. The article discusses the history of the development of the idea of the rule of law, its relevance for jurisprudence, and its current state. The purpose of the article is to analyze the prospects for the theory of the rule of law in modern society, as well as the main problems contributing to its crisis state. The author used the following methods: philosophical dialectics; general scientific methods: analysis and synthesis, abstraction, analogy; general scientific research approaches (historical, systemic); private scientific methods of cognition (formal legal, comparative legal). The article examines three main problems, the solution of which determines the success of overcoming the crisis of the named idea and the success of building a legal theory. Firstly, the problem of the lack of necessary jurisprudence of the concept of the rule of law, the confusion of legal and political characteristics in the study of the state, the implementation of old features, principles that often appeared and were developed in the era of absolutism. Secondly, the dominant philosophical direction of thought that replaced postmodernity is meta modernity, within which there is no room left for the construction of scientific theories, as well as the continuing influence of postmodernist philosophy. Thirdly, the state of the scientific community in general and the legal community in particular, which consists of a passion for the reproduction of knowledge, loss of professional potential and the ability to resist political elites to protect science, high ideals and values. The author proposed, firstly, the establishment of dividing lines between concepts, ideas and teachings obtained in different research scientific fields; secondly, a critical attitude towards modern philosophical trends of thought from the point of view of their correlation with legal concepts and constructions, the methodology of legal science; thirdly, awareness of the responsibility of the legal community for the crisis phenomena of modern society.

Keywords: rule of law, legal theory of the state, state sovereignty, state power

Acknowledgments: I express my gratitude and appreciation to my thesis supervisor, Professor Sergey Ivanovich Arkhipov, who is a model of a true intellectual for me.

For citation: Ponomareva EV. The Idea of the Rule of Law: The State of Crisis and the Prospects for Modern Society. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2024;12(1):72–82. (In Russ.) DOI:10.35853/vestnik.gu.2024.12-1.04.

Идея построения идеального государства берет начало в античности, получает качественно новое развитие в эпоху Просвещения и не теряет актуальности в наши дни. Феномен актуальности данной темы, пожалуй, заключается в том, что человек, за редким исключением, не мыслит свою жизнь вне государственно-правовой формы, а потому естественным образом ставит перед собой задачу по разрешению антагонизма, существующего между личностью и государством, частными интересами и публично-правовыми. Сказанное относится, в первую очередь, к западноевропейскому пространству мысли, поскольку именно здесь возникает и культивируется идея индивидуализма, самостоятельности субъекта, необходимости частной сферы, четко отграниченной от сферы публичной.

Существенный вклад в развитие идеи идеального государственного устройства внес выдающийся немецкий философ Иммануил Кант, который, однако, не употреблял термин «правовое государство», говоря лишь о правовом гражданском обществе, но фактически заложил фундамент исследуемой теории. Учение Канта о праве и государстве – это поистине философский переворот, благодаря которому, казалось бы, абсолютно христианская норма была перенесена в сферу философского, а затем и правового мышления. Речь идет о юридическом продолжении категорического императива – «поступай так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со

свободой каждого, сообразно со всеобщим законом» [Кант 1994, с. 140]. Кант утверждал, что право полностью вытекает из понятия свободы в отношениях внешних и практических и определял право как совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы [Кант. Метафизика нравов ... 1999, с. 595]. Само же государство Кант понимал как «объединение множества лиц, подчиненных правовым законам» [Там же, с. 689].

Западноевропейское общество, пережившее Реформацию, утрату авторитета Римской католической церкви, популярность атеизма и деизма, не было готово полностью отказаться от христианской морали, являющейся по большому счету культурообразующей, а потому появление и развитие идей автономии и свободы личности, необходимости ее развития и просвещения, ограничения государственной власти посредством правовых установлений явилось для Запада закономерным. По большому счету была предпринята попытка построения идеального общества, гражданско-правового состояния, где каждый становится лицом и уважает других в качестве лиц, где суверенная политическая власть наконец превращается в установленное правом полномочие на властвование. Идеи И. Канта были как нельзя более актуальны и отражали настроение эпохи. Государство в концепции Канта играет, во-первых, подчиненную по отношению к личности роль, во-вторых, основывает свою деятельность исключительно на праве, является условием практической реализации самой идеи права.

Под влиянием идей И. Канта в Германии сложилось целое направление, представители которого занимались разработкой концепции правового государства. К примеру, Р. Ф. Моль и Ф. Ю. Шталь исследовали принцип верховенства права, а также способы и характер осуществления государственной власти, основанные на этом принципе [Котляревский 1915, с. 346]. Вопрос о средствах ограничения государственной власти породил проблему административной юстиции, которая впервые была выдвинута Л. Штейном. Л. Штейн же развивал мысль о том, что правовое государство предполагает верховенство правового закона и, вместе с тем, утверждает проникновение права во всю область государственного управления [Там же].

Интересна в этом отношении и русская дореволюционная мысль, представленная Ф. В. Тарановским, С. А. Котляревским, А. Д. Градовским, П. И. Новгородцевым, Б. А. Кистяковским. Следует отметить, что в русской дореволюционной юридической литературе проблема правового государства была связана с переходом империи к конституционному строю. Как славянофилы, так и сторонники установления конституционного строя признавали несовместимость правовых условий времени с идеалами правового государства. Невозможно признать сколько-нибудь удовлетворительным учение славянофилов, отрицавших всякие правовые гарантии личности и пределы ограничения государственной власти. Предлагаемые ими гарантии были неправовыми и заключались в духовном единстве всего населения страны. Подобное требование не могло лечь в основу правового учения о государстве, а потому поиск оснований, принципов его деятельности занимал умы многих выдающихся ученых. К примеру, Ф. В. Тарановский обязательным принципом правового государства полагал подзаконность государственной власти и ее ограничение путем установления субъективных публичных прав [Тарановский 1917, с. 485], С. А. Котляревский и А. Д. Градовский – подзаконное государственное управление и развитое материальное право [Котляревский 1915, с. 368; Градовский 1891, с. 87], П. И. Новгородцев – существование высшей нормы, причем нормы нравственной, стоящей над государством [Новгородцев 1904, с. 441–442], Б. А. Кистяковский – связанность государства правовым законом и правом, живущим в сознании индивидов, но еще не получившим официального закрепления в нормах закона [Кистяковский 1999, с. 82].

Представления о правовом государстве были настолько разнообразны и разноплановы, что С. А. Котляревский однажды отказал ему в статусе строго юридического учения, отметив, что смысл его метаюридический, а догматик, исследуя правовое государство, оказывается за пределами юриспруденции, в области, близкой историку или

философу [Котляревский 1915, с. 350]. И действительно, подчас учение о новом типе государства носило метафизический характер, лежало то в области философии, то в области политики, многие признаки такого государства, строго говоря, не были юридизированы.

Идея построения правового государства остается актуальной и в наши дни, правда в значительно меньшей степени. С распадом Советского Союза доктрина правового государства получила новый импульс к развитию, была проведена серьезная работа по формированию нового типа государства, а именно принята Конституция, провозгласившая Российскую Федерацию государством правовым, а человека, его права и свободы – высшей ценностью, сформирован Конституционный суд, утверждены принцип верховенства права, провозглашен приоритет принципов и норм международного права над нормами национального права, граждане получили право обжаловать акты исполнительных органов власти, противоречащих федеральным законам, в суд.

В России появились научные труды, посвященные вопросам построения правового государства, среди которых важно отметить работы В. М. Сырых, Ю. А. Тихомирова, А. В. Виноградова, Ф. М. Раянова, В. С. Нерсесянца, Н. Е. Надзела, В. В. Лапаевой и других. В целом же современная эпоха не выработала единого представления о правовом государстве, о его принципах и признаках, между последними нет четкого разграничения. Каждый ученый, занимающийся данной проблематикой, предлагает свой набор принципов и собственную характеристику каждого из них. Однако чаще всего к ним относят принципы верховенства права, единства права и закона, правовой защищенности человека и гражданина, взаимной ответственности государства и личности. С достаточной долей условности можно говорить о возможных практических успехах доктринальных исследований в данной области, на что влияет ряд факторов, которые будут рассмотрены ниже.

Что касается Западной Европы, где идея правового государства берет начало, то там в некоторой степени наблюдается пессимизм, и данная тема все чаще остается на обочине правовых исследований. Л. Лемассон отмечает, что все чаще термин «правовое государство» используют политики, все чаще слышен он в полемике без достаточной аргументации и понимания его смысла [Lemasson 2016]. То же отмечает и Д. Годефриди, указывая на то, что смысл «правового государства» подчас остается размытым, определение понятия меняется всякий раз в зависимости от убеждений автора [Godofridi 2004]. Так есть ли всё-таки шанс у идеи правового государства перейти из метафизики в разряд научной теории?

Существуют три серьезные проблемы, от учета, а лучше, от решения которых зависит успех правовой теории государства.

Во-первых, проблема юридизации концепции правового государства. В доктрине до сих пор наблюдается смешение правовых и политических характеристик при исследовании государства, имплементация старых признаков, принципов, появившихся и получивших развитие нередко в эпоху абсолютизма. Еще виднейшие представители дореволюционной науки, такие как А. С. Алексеев и И. А. Ильин, доказали, что право принадлежит миру духа и оперирует, подобно математике, идеальными понятиями и конструкциями, не имеющими реального бытия [Алексеев А. С. 1905, с. 134]. И. А. Ильин посвятил отдельную работу методологии разграничения понятий, используемых в разных науках, поместив с свою очередь все науки в разные исследовательские ряды – ирреальный (нормативный) и реальный. Его работа «Понятие права и силы (опыт методологического анализа)» наглядно демонстрирует способы формирования разных определений одного и того же понятия разными науками, будь то юриспруденция, политология, психология и т. д. Так, понятие власти может быть рассмотрено в двух методологических рядах, но нужно понимать, что определение, данное этому понятию в реальном ряду, не будет соответствовать правовой теории, а скорее будет корреспондировать взглядам политиков, социологов, психологов и т. д. В рамках данной методологии он подверг критике господствующее еще тогда понятие государственной

власти, понимаемое как сила, явно исследованное в рамках политологической науки и перенесенное в область права [Ильин 2008, с. 39]. И. А. Ильин справедливо замечал, что те определения государства, которые приписывают ему не полномочие на властвование, а власть, а также те определения понятия суверенитета, которые конструируют его как реальное свойство, должны быть критически пересмотрены в методологическом отношении, ибо они вводят в ирреальный ряд реальную категорию силы.

И до сих пор государственная власть, несмотря, казалось бы, на правовой прогресс, разработанную правовую теорию, понимается не как закрепленное в объективном праве полномочие на властвование, но как возведенная в закон воля господствующего класса, навязывание воли, подчинение чужой воле, авторитет силы. Очевидно, что подобные формулировки не имеют к праву какого-либо отношения, однако остаются в научной и, хуже того, учебной литературе, задавая рамку понимания государства, прямо противоположную идеалам и эпохи Просвещения, и дореволюционной правовой доктрины.

Не лучше для правовой теории государства дело обстоит и с признаком государственного суверенитета.

Одни из видных теоретиков государства, такие как Ж. Боден, Т. Гоббс, в свое время остановились на требовании к государству быть суверенным и единым. По мнению некоторых правоведов, такие требования стоят в правовой связи с теориями правового государства, так как «требование суверенного и единого государства в своей идеальной основе выражает не что иное, как устранение неравенства и разнообразия прав» [Новгородцев 1914, с. 13]. Суверенное государство в свете данного суждения должно уничтожить тот строй, в котором возникли бесправие и неравенство, привилегии и монополии.

Было ли целью теории суверенитета государства уничтожить неравенство и даровать правовую свободу личности? И так ли уж суверенитет является обязательным условием существования государства не политического, но правового? Г. Еллинек, проанализировав историю понятия суверенитета, пришел к заключению, что суверенитет по своему историческому происхождению есть представление политическое, «его создали те великие силы, борьба которых составила содержание ряда столетий» [Еллинек 2004, с. 285]. Н. Н. Алексеев, вслед за Г. Еллинеком, писал, что «в теории суверенитета проявилось именно политическое стремление обосновать власть монарха как независимую вовне» [Алексеев Н. Н. 1998, с. 462].

Теория суверенитета родилась исключительно как политическая в процессе борьбы сюзерена с ленными вассалами и церковью. Во Франции в борьбе короля с феодальными элементами за высшую и исключительную власть рождается идея суверенитета – безусловного верховенства и независимости власти. Чуть позже данная идея получила ясную формулировку у Жана Бодена, который отмечал, что «суверенитет власти заключается не только в том, что эта власть является абсолютной внутри государства, но и в том, что эта власть независима вовне» [Антология мировой философии 1970, с. 143]. Боден первым утвердил суверенную, не связанную законом, власть в качестве основного признака государства.

Удивительно, как идея правовой несвязанности государства взятыми на себя в добровольном порядке обязанностями проникла через века и нашла поддержку в наши дни. Несмотря на общепризнанный принцип международного права «*pacta sunt servanda*», государства постоянно злоупотребляют неисполнением взятых на себя по международному договору обязательств, прикрываясь принципом внешнего суверенитета – независимостью государства на международной арене. Принудить государство к исполнению взятых на себя обязательств невозможно, так как равный над равным власти не имеет.

Казалось бы, данную проблему возможно решить через концепцию ограниченного государственного суверенитета, утвердившуюся в международном публичном праве. Согласно данной концепции, государство не в силу внешнего давления, но доброволь-

но ограничивает собственный суверенитет взятыми на себя обязательствами. Вместе с тем сама идея суверенитета в основе своей предполагает абсолютность и полноту государственной власти, ее самостоятельность и независимость в принятии стратегических решений без согласования таковых с иными субъектами международного права, если от этих решений зависит отстаивание национальных интересов и сохранение государственности как таковой. Не будет ли в таком случае концепция ограниченного суверенитета государства на международной арене своего рода правовым оксюморон, сочетающим в себе явно противоположные и непримиримые признаки, как то независимость государства и ограниченность его в принятии решений? Более того, учитывая постоянную угрозу вмешательства во внутренние дела государства, можно ли быть уверенным, что концепция ограниченного суверенитета не приведет к формальному признанию независимости государства, но фактическому его отсутствию? Очевидно, что в условиях современного развития международного права, существующей геополитической ситуации, теория государственного суверенитета нуждается в новом теоретико-правовом осмыслении.

Выстраивание конструкции правового государства, пытаясь логически абстрагировать существующий опыт и придать ему статус правового учения, приводит к смешению права и политики. В теории государственного суверенитета при подробном ее анализе едва ли можно обнаружить правовое значение, кроме признания государства в качестве самостоятельного субъекта права. Однако характеристика государства с точки зрения неограниченной и независимой власти противно самой идее права. Удивительно точно в этом отношении выразил мысль И. Кант о том, что «нигде практика, оставляющая в стороне все чистые принципы разума, не отрекается от теории с большим высокомерием, как в вопросе о том, что необходимо для хорошего государственного устройства» [Кант. О поговорке ... 1999, с. 553–554]. Великий философ отмечал, что в этом вопросе теория не имеет значения, а все зиждется на практике, следующей за опытом.

А. И. Елистратов, исследовавший теорию суверенитета, в противоположность суверенитету, выражающему идею личного господства, предложил правовое верховенство, означающее авторитет безличных норм права. Ученый отмечал, что право должно приходить всюду, чему государственные границы не должны становиться преградой [Елистратов 1915, с. 7]. В наши дни потребность в действенном международном праве остается насущной, но пока неудовлетворенной.

Вторая причина, способствующая кризису идеи правового государства, – это господствующее философское направление мысли, пришедшее на смену постмодерну, в рамках которого, по большому счету, не остается места для построения научных теорий и провозглашения высоких идеалов. Речь идет о набирающем популярность социокультурном феномене – метамодерне, который только на первый взгляд может показаться неплохим способом преодоления постмодерна, развенчивающим классические идеалы и ценности, но на поверку оказывающимся не самой удачной попыткой синтеза идей модерна и постмодерна, что не только не открывает новых перспектив для научного знания, но, напротив, смешивает в одном учении несовместимые, а зачастую и прямо противоположные идеи. Представители этого нового языка философского осмысления понимают метамодернизм как некий маятник, постоянное колебание между идеями модерна и постмодерна. Метамодерн – это совокупность не вполне систематизированных представлений о культуре XXI века, попытка показать доминирующую в наши дни структуру чувства путем анализа отдельных работ как смыслообразующих, оставляя в тени многие из тех, что в данную структуру не вписываются. Нестабильность, постоянное колебание между двумя самостоятельными философскими парадигмами – модерном, утверждающим свободное и рефлексивное сознание, принципы и методы получения научного знания, научно-технический прогресс, с одной стороны, и постмодерном, производящим последовательную деконструкцию идей модерна, – с другой, говорят о несамодостаточности идей метамодернизма. Это напоминает, ско-

рее, попытку создать уникальное произведение искусства из обломков, найденных на свалке истории, что ни в коей мере не способствует решению проблем, оставленных постмодерном. А постмодерн оставил их много, в том числе и для юриспруденции. Это и отрицание идеи правового прогресса, и западной системы ценностей, и логоцентризма, и гносеологических оснований классической науки, и рациональности в праве.

Стали появляться работы – не просто статьи, а солидные монографические исследования, – полностью посвященные подобной проблематике, среди которых работы И. А. Исаева «Метафизика власти и закона», «Теневая сторона закона. Иррациональное в праве», а также «Постклассическая теория права» И. Л. Честнова. Последний анализирует основные постмодернистские идеи, представленные Деррида, Делезом, Фуко, Бартом, Лиотаром и другими апологетами постмодернистского направления мысли, и приходит к выводу, что право по природе своей иррационально исключительно из-за процесса его реализации, совершенно далекого от замысла законодателя. При этом процесс реализации права ученый понимает как массовое подражание и воспроизводство нормы права, относя это к феноменам массовой психологии. Ссылаясь на мнения философов и психологов, И. Л. Честнов приходит к заключению, что это массовое поведение не может быть рациональным, а потому и механизм реализации права априори нерационален, что накладывает отпечаток и на право в целом, делая его иррациональным феноменом [Честнов 2012, с. 52–53]. Критерий рациональности нормы права и юридического знания автор видит исключительно в их адекватной реализации. Поскольку норма права и практика ее реализации, юридическое знание и его применение не всегда коррелируют, автор отмечает, что иррациональные элементы укоренены в праве, они суть само его основание. Однако представляется, что подобная точка зрения основана на приверженности автора социологической концепции правопонимания, а именно концепции живого права О. Эрлиха, согласно которой право – это нормы поведения, спонтанно сформированные общественными объединениями [Эрлих 2011, с. 486–487]. Такое живое спонтанное право, а не норма права и является для Эрлиха истинным законом. Учение Эрлиха – это вызов идеям позитивизма, но, тем не менее, оно является одной из концептуализаций социологического типа правопонимания и не претендует на абсолютную истину в вопросе понимания права.

И. А. Исаев также отмечает, что смысл и цель нормы права на стадии ее реализации полностью могут измениться, разойтись категорически также по причине иррациональности права как феномена. В самом источнике права автор находит мифологические и религиозные начала, которые сложно понять без применения интуиции [Исаев 2015, с. 3–4].

Учитывая, однако, существующие подчас расхождения между научным знанием и практикой, между нормой и ее реализацией, необходимо отметить, что подобные расхождения существуют не вследствие «загадочности» и принципиальной непостижимости права как социального феномена, а исключительно вследствие отсутствия четких границ между правовой коммуникацией и иными коммуникациями, существующими в обществе. В этой связи заслуживает отдельного внимания учение о коммуникативных системах Н. Лумана. Исследователь различал в обществе ряд подсистем, существующих независимо, – политическую, юридическую, религиозную, научную и т. д. Такие подсистемы описаны ученым как закрытые, самовоспроизводящиеся, а также самореферентные. Отличие одной коммуникативной подсистемы от другой возможно благодаря основной реализуемой ей функцией, а также благодаря ее кодовому значению. Так, для экономической подсистемы кодовым значением является «выгодно/невыгодно», для научной – «истинно/ложно», для юридической – «право/неправо». Ценность мысли Н. Лумана для юриспруденции заключается в обосновании автономности и закрытости юридической коммуникативной подсистемы, попытке отграничить правовую коммуникацию от иных общественных коммуникаций, в том числе и религиозной, и политической, смешению с которой она чаще всего подвергается. При этом Н. Луман

писал о повсеместности такого смешения, которое привело к тому, что даже высший закон страны начинает рассматриваться как политический акт [Посконина 1997, с. 71].

Стоит ли говорить, что зачастую причина расхождения научного знания, нормы права и практики ее применения лежит не по ту сторону разумного, а кроется в несерьезном отношении к методологии юридической науки, постоянном смешении в рамках предмета права собственно правовых понятий с неправовыми, полученными в других областях научного знания, таком же смешении строго правового и политического и на практике, в непонимании границ разных социальных коммуникаций, вследствие чего правотворчество превращается в политическую процедуру, в которой юристы участвуют все меньше, уступив место людям, не имеющим для этого профессиональных знаний.

Потеря юристами собственного предмета происходит в рамках релятивистской, антирациональной философской установки. Все это ставит право в зависимое положение от политической конъюнктуры, заставляет его работать по принципу «чего изволите?», лишает юриспруденцию статуса науки, уничтожает принципы права, заменяя их договоренностью, способной меняться так часто, как это потребуется. Всё, как завещано постмодернизмом.

Третья проблема кроется в состоянии самого научного сообщества. Стив Фуллер в своей работе «Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии» отмечает, что по причине важности для воспроизведения социального порядка университет «утратил свободу говорить и действовать от своего имени» [Фуллер 2018, с. 384]. Он подчеркивает, что далеко не все академики – интеллектуалы, и критикует представителей социогуманитаристики за неспособность самостоятельно формулировать идеи, за чрезмерную увлеченность «производством знания», т. е. погоней за бесконечной чередой грантов, патентов, статей, которые не способствуют интеллектуализации общества, за избыточное цитирование как попытку спрятаться за чужим авторитетом. Совсем иное дело интеллектуал, который не воспроизводит знания, но умеет мыслить самостоятельно, не боится разрушать старые верования, не боится вести свою личную борьбу и, более того, учит свою аудиторию мыслить самостоятельно.

С. Фуллер накладывает ответственность на интеллектуалов – говорить правду сильным мира сего. Именно эти люди, благодаря и их таланту, и особому статусу, могут «выражать неприятные идеи в приемлемой форме» [Фуллер 2018, с. 290]. Автор отдельно подвергает критике и обвиняет в трусости ученых, которые выказывали совершенный политический нейтралитет даже тогда, когда их работы были впутаны в споры о тех или иных политических проблемах. К числу таких он относит Т. Куна, отстранившегося от политических последствий собственных идей, и М. Хайдеггера, сначала поддерживавшего нацизм, а затем, после его поражения, предпочтшего совершенное молчание относительно своих политических взглядов.

То же касается не в меньшей мере и юридического сообщества. С. И. Архипов справедливо отмечает, что оно утратило свой профессиональный потенциал, способность разделять правовую и политическую коммуникации, мнение юристов потеряло авторитет для политических элит и общества в целом, а высокие идеалы вытеснены меркантильными интересами [Архипов 2020, с. 19].

Безусловно, наблюдающийся кризис в интеллектуальной среде, не только в юридической, но и в целом социогуманитарной, имеет не самые благоприятные последствия для появления новых идей, критики и пересмотра предшествующих, самостоятельности и аргументированности суждений. Кризис развития идеи правового государства имеет три источника: это и проблема «чистоты» собственно предмета юридической науки; это и крайне неблагоприятные для классических юридических идей, понятий и конструкций философские идеи, проистекающие из таких направлений, как постмодерн и метамодерн, служащие для современной интеллектуальной деятельности некой рамкой, фоном; это и состояние профессионального юридического сообщества, занято-

го производством знания и юридической практикой, корреспондирующего существующей политической обстановке.

Каждая из трех обозначенных проблем, способствующих кризису идеи правового государства, требует эффективного решения. В отношении каждой из проблем необходимо заметить следующее.

1. В свете развития теории правового государства анализ государственно-правовых понятий, и в частности понятия власти, необходим в нормативном юридическом ряду (согласно методологии И. А. Ильина). Тогда юрист будет изучать власть не как самодовлеющую силу или насилие, вытекающее из общей воли или воли господствующего класса и санкционированную законом, а как полномочие на властвование, т. е. нормативно закрепленное субъективное право и юридическую обязанность должностного лица или государственного органа, реализуемые с целью осуществления функций государства. Очевидно, что приведенное определение отстоит очень далеко от таких формулировок, как сила и воля господствующего класса.

То же в полной мере касается и государственного суверенитета, изначально являющего собой политическую доктрину абсолютной свободы и независимости государства как во внутренних, так и во внешних отношениях, что не может соответствовать самой идее права. Подобно колоссу на глиняных ногах, теория правового государства опирается на старые политические теории, которые никоим образом не корреспондируют правовым идеалам. Имея в своей основе старые политические концепции, она сохраняет внутренние противоречия, благодаря которым абсолютом, сувереном провозглашается государство, как нечто высшее и разумное в самом себе. Во избежание указанного противоречия понятие государственного суверенитета требует пересмотра и исследования исключительно в рамках предмета юридической науки через призму международной право-дееспособности.

Юридическая наука, как верно подметил И. Кант, остается эмпирической, основанной на опыте, следует за ним, она как голова, «которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга» [Кант 1965, с. 139]. Ей не хватает осознания сущности исследуемых явлений, их правовой природы, восхождения до общих принципов, начал, отвлеченности от частных условий, конкретных практических целей. Кант проводил аналогию между учением о праве и «чистой математикой»: юридическая наука должна стремиться к математической точности при определении правовых понятий. К сожалению, современная юриспруденция не приблизилась к кантовскому идеалу. Она по-прежнему является неточной, нематематической наукой, основывающейся скорее на опыте, чем на теоретическом знании. Она не установила для себя четкий алгоритм, необходимые и достаточные признаки государства, с помощью которых можно однозначно отграничить правовое государство от неправого.

2. Идея правового государства, берущая начало в эпохе Просвещения, мыслимая исключительно в рамках терминов классической научной рациональности, провозглашающая идеалы свободы и самостоятельности индивида, верховенства права, принцип правового ограничения деятельности государства, не вписывается в существующую философскую рамку, где уже и сам субъект предстает нецелостным и неустойчивым, перестает быть творцом правовой реальности, способным не только на формирование новых идей и конструкций, но и на претворение их жизнь. Философские установки постмодернизма и метамодернизма должны вызывать у ученых, занимающихся фундаментальными исследованиями, закономерную настороженность. Исследование права, правового государства в рамках философской рамки постмодерна, а равно и метамодерна – это его деконструкция, признание неразумности, ненужности для современного общества, увлеченного мелкими страстями и клонящегося к распаду. Концептуализация права и государства в подобном ключе – это не решение существующих доктринальных и практических проблем, а их отрицание, это отрицание в целом онтологического и аксиологического значения права и государства как социальных институтов.

В этом смысле будущее теоретического исследования государства, пожалуй, находится в его прошлом – в философских установках и методологии классической науки.

3. Проблему юридизации теории правового государства, перенос идеи идеального государства из метафизики в разряд правовой теории создает и сам носитель юридического знания, теряющий профессиональный потенциал и независимость мышления, служащий политическим элитам, но не праву, озвучивающий идеи и создающий юридическую практику, коррелирующие существующей политической обстановке. Юрист – как носитель профессионального правосознания, а, возвращаясь к концепции субъекта права, – еще и самостоятельное, наделенное волей и способностью к правовой деятельности лицо, должен взять на себя негативную ответственность за кризис важных и необходимых для общества правовых идей, за потерю собственного предмета, за воспроизводство знаний взамен самостоятельного мышления.

Перенос идеи идеального государства из области метафизики в область правовой теории может быть реализован только при соблюдении таких условий, как, во-первых, понимание необходимости установления разграничительных линий между понятиями, идеями и учениями, полученными в разных исследовательских научных областях, отказ от переноса в теорию государства таких понятий без их критического осмысления с точки зрения предмета юридической науки; во-вторых, критическое отношение к популярным философским направлениям мысли с точки зрения их эпистемологической и гносеологической соотносимости с юридическими понятиями и конструкциями, методологией юридической науки; в-третьих, осознание ответственности юридического сообщества, академиков и интеллектуалов за кризисные явления современного общества, а именно за отсутствие какой бы то ни было его интеллектуализации и независимого мышления, что приводит к отвержению принятия и популяризации идей и высоких идеалов.

Список источников

- Алексеев А. С. Русское государственное право : пособие к лекциям. Изд. 5-е. М. : Типо-литография Г. И. Простакова, 1905. 281 с.
- Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 1998. С. 386–624.
- Антология мировой философии : в 4 т. Т. 2 : Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. М. : Мысль, 1970. 776 с.
- Архипов С. И. Кризис идеи правового прогресса // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 3. С. 15–25. DOI 10.34076/2219-6838-2020-3-15-25.
- Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб. : Типография М. Стасюлевича, 1891. 200 с.
- Елистратов А. И. Очерк государственного права (Конституционное право). 2-е изд., перераб. М. : Типография «Мысль», 1915. 167 с.
- Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 750 с.
- Ильин И. А. Понятие права и силы. (Опыт методологического анализа) // Ильин И. А. Теория права и государства. Изд. 2-е, доп. М. : Зерцало, 2008. С. 92–111.
- Исаев И. А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве : монография. М. : Проспект, 2015. 368 с.
- Кант И. Метафизика нравов : в 2 ч. // Кант И. Основы метафизики нравственности. М. : Мысль, 1999. С. 563–894.
- Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Основы метафизики нравственности. М. : Мысль, 1999. С. 515–562.
- Кант И. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4, Ч. 2 : пер. с нем. / ред. В. Ф. Асмус. М. : Мысль, 1965. 478 с.
- Кант И. Сочинения на немецком и русском языках : в 4 т. Т. 4, Ч. 1. М. : Наука, 1994. 544 с.

- Кистяковский Б. А. Государственное право (Общее и русское) : лекции Б. А. Кистяковского, читанные в Московском коммерческом институте в 1908–1909 академическом году. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 1999. 800 с.
- Котляревский С. В. Власть и право. Проблема правового государства. М. : Типография «Мысль», 1915. 418 с.
- Новгородцев П. Государство и право // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Год XV, кн. 74 (IV). С. 397–450.
- Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. М. : Издание «Высшая школа», 1914. 109 с.
- Поскониная О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества : монография. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1997. 122 с.
- Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии права. Юрьев : Типография К. Матиссена, 1917. 537 с.
- Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии / пер. с англ. С. Гавриленко [и др.] ; под науч. ред. С. Гавриленко. М. : Дело, 2018. 384 с.
- Честнов И. Л. Постклассическая теория права : монография. СПб. : Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
- Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова ; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб. : Университетский издательский консорциум, 2011. 704 с.
- Godefridi D. Etat de droit, liberte et democratie // Politique et sociétés. 2004. Vol. 23, n° 1. P. 143–169.
- Lemasson L. Qu'est-ce que l'Etat de droit? // L'institut pour la justice. 2016. № 17. P. 1–7.

Информация об авторе

Елена Владимировна Пономарева, канд. юрид. наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия). SPIN-код 5603-0677.

Information about the author

Elena V. Ponomareva, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof. at Theoretical and Public Law Disciplines Department, Tyumen State University (Tyumen, Russia).

*Статья поступила в редакцию | the article was submitted 10.11.2023;
одобрена после рецензирования | approved after reviewing 30.11.2023;
принята к публикации | accepted for publication 05.12.2023.*